

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Для цитирования: Логинов В. Г., Игнатъева М. Н., Балашенко В. В. Этносоциоэкосистемный подход к оценке жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 3. — С. 896-913

doi 10.17059/2018-3-15
УДК 338.911+301

В. Г. Логинов^{а)}, М. Н. Игнатъева^{а), б)}, В. В. Балашенко^{а)}

^{а)} Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: log-wg@rambler.ru)

^{б)} Уральский государственный горный университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

ЭТНОСОЦИОЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА¹

Регионы российского Севера, занимающего 70 % территории страны, имеют значительные отличия в уровне социально-экономического развития. Наиболее развитым в промышленном отношении регионом в его пределах является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — главный поставщик нефтегазовых ресурсов, являющийся объектом исследования. Цель работы — оценка трансформации традиционного природопользования на осваиваемых территориях и ее влияние на жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера. Исследование основано на гипотезе о негативном влиянии промышленного освоения на состояние традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера и, соответственно, на их уровень социально-экономического развития и качество жизни. Установлены определенные внутрорегиональные различия этого субъекта Федерации, обусловленные особенностями природно-ресурсного потенциала, транспортной обеспеченности и географического положения, что относится как к отдельным муниципальным образованиям, так и к более крупным территориально-административным подразделениям — субрегионам. Выявлены наиболее острые проблемы развития традиционного природопользования на территориях активного промышленного и транспортного освоения (главные отрасли которого представлены оленеводством и рыболовством), в том числе проблемы северного законодательства, призванного защищать права коренных малочисленных народов Севера. Рассмотрены эволюционные изменения в формировании института родовых угодий и территорий традиционного природопользования, а также практики согласования интересов недропользователей и представителей коренных малочисленных народов Севера с помощью экономических соглашений. Отражена проблемная ситуация, связанная с затруднениями социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера. Для сравнения условий муниципальных образований региона выполнен анализ экологической ситуации и современного состояния традиционного природопользования. С использованием этносоциоэкоэкологического подхода выполнена оценка жизнедеятельности коренных этносов в освоенном и мало освоенном районах автономного округа, подтверждающая гипотезу исследования. Результаты исследования могут быть использованы при разработке дорожной карты развития традиционных отраслей и КМНС для муниципальных районов различного уровня освоенности.

Ключевые слова: этносоциоэкоэкологический подход, коренное население, субрегион, традиционное природопользование, промышленное освоение, техногенное и антропогенное воздействие, экологическая ситуация, защита прав, трансформация, традиционные отрасли хозяйства, социальная адаптация, жизнедеятельность, уровень жизни

¹ © Логинов В. Г., Игнатъева М. Н., Балашенко В. В. Текст. 2018.

Введение

Российский Север, занимая 70 % территории страны, имеет значительные различия в уровне социально-экономического развития отдельных его регионов. Наиболее развитым в промышленном отношении регионом в его пределах является Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, главный добытчик и экспортер нефтегазовых ресурсов, имеющий определенные внутрирегиональные различия. Это относится как к отдельным муниципальным образованиям, так и к более крупным территориально-административным подразделениям — субрегионам. Исходя из сказанного, для целей исследования было выделено 5 таких субрегионов (имеются и другие авторские схемы районирования Югры, [1]), исторически сложившихся с начала промышленного освоения автономного округа по настоящее время. Они различаются географическим положением, уровнем освоенности и обеспеченности природно-ресурсным и социально-экономическим потенциалам, являющихся основными факторами социально-экономического благополучия населения, в том числе и коренных малочисленных народов Севера (КМНС):

1. Северо-Западный (Березовский муниципальный район (МР)).
2. Западный (Кондинский, Советский и Октябрьский МР, городские образования (ГО) Нягань, Урай и Югорск).
3. Срединный (Белоярский, Нефтеюганский и Ханты-Мансийский МР, ГО Нефтеюганск и Ханты-Мансийск).
4. Сургутский (Сургутский МР, ГО Сургут и Когалым).
5. Нижневартовский (Нижневартовский МР, ГО Нижневартовск, Лангепас, Мегион, Радужный и Покачи).

Количественные характеристики субрегионов по площади, плотности и численности населения, в том числе КМНС, в абсолютных и относительных показателях представлены в таблице 1.

С позиции расселения коренных малочисленных народов Севера, представленных хантами, манси и ненцами, их численность колеблется от 5,7 до 8,8 тыс. чел. в Северо-Западном, Западном и Срединном субрегионах и от 3,4 до 4,2 тыс. чел. в Сургутском и Нижневартовском. Наибольший удельный КМНС (24,9 %) в самом малочисленном

Таблица 1

Количественные показатели субрегионов ХМАО-Югры

Субрегион / МО	Площадь, тыс. км ²	Население, чел. на 01.01.2017	В т. ч. городское, чел.	Уд. вес городского, %	Средняя плотность, чел./км ²
1. Северо-Западный (Березовский МР)	88,1/16,5 %	<u>22973/1,4 %</u> 5710/24,9	14527/1,0 %	63,2	0,26
2. Западный (Кондинский, Советский и Октябрьский МР, ГО Нягань, Урай и Югорск)	110,6/20,7 %	<u>244470/14,9 %</u> 8834/3,6	217889/14,3 %	89,1	2,2
3. Срединный (Белоярский, Нефтеюганский и Ханты-Мансийский МР, ГО Нефтеюганск, Пыть-Ях и Ханты-Мансийск)	112,7/21,1 %	<u>360175/21,9 %</u> 8672/2,4	312225/20,5 %	86,7	3,2
4. Сургутский (Сургутский МР, ГО Сургут, Когалым)	105,5/19,7 %	<u>548131/33,3 %</u> 4179/0,8	511471/33,7 %	93,3	5,2
5. Нижневартовский (Нижневартовский МР, ГО Нижневартовск, Лангепас, Мегион, Радужный и Покачи)	117,8/22,0 %	<u>470573/28,6 %</u> 3420/0,7	463677/30,5 %	98,5	4,0
Всего	534,7/100 %	<u>1646078/100</u> 30815/1,9	1519788/100	92,3	3,1
Центральное ядро	75,0	1313738	1261656	93,8	17,5
Уд. вес, %	14,0	79,8	83,0		

Примечание: курсивом выделены численность населения (чел.) и удельный вес в ней КМНС (%).

Источники: Экспликация земель Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Форма 22-2; Здоровье населения коренных малочисленных народов Севера по итогам 2016 года (статистические материалы). Ханты-Мансийск: Бюджетное учреждение «Медицинский информационно-аналитический центр». 76 с.; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения 21.01.2018).

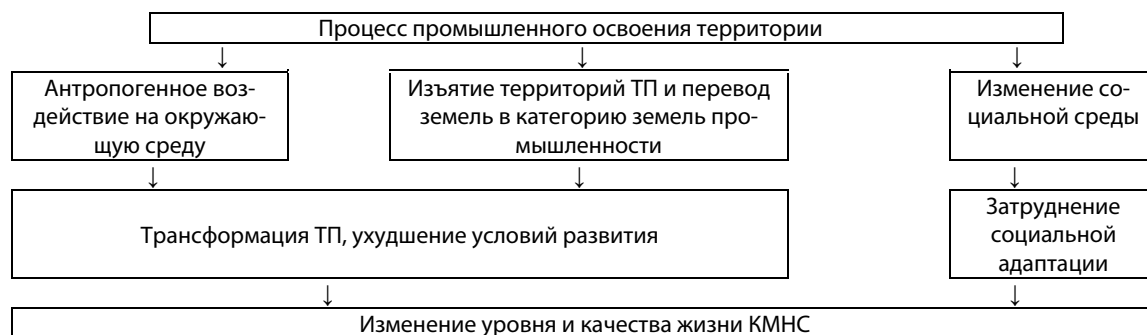

Рис. 1. Влияние промышленного освоения территории на изменение уровня и качества жизни КМНС

Северо-Западном субрегионе, тогда как в Центральном ядре, представленном Средним Приобьем, в пределах которого располагаются все крупные города региона (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск и Ханты-Мансийск с общей численностью проживающих (на 1 января 2017 г.) 860,0 тыс. чел., что составляет соответственно 52,2 % от общей численности населения и 56,6 % городского населения), доля КМНС составляет менее одного процента. В пределах Российского Севера и его отдельных частей могут быть выделены три группы районов по степени развития традиционного природопользования и условий жизнедеятельности КМНС: благоприятные, переходные и кризисные, обусловленные различным уровнем транспортно-промышленного освоения территории.

Для решения поставленной задачи были выбраны два муниципальных района (МР) ХМАО-Югры: промышленно освоенный Сургутский (территория кризисной ситуация для традиционного природопользования) и Березовский МР, который имеет черты как благоприятной, так и переходной территории.

Отечественный опыт разработки полезных ископаемых в северных районах показал, чем выше уровень промышленного освоения и заселенности территории, тем неблагоприятнее условия для сохранения традиционного природопользования и связанного с ним социально-экономического развития коренных этносов.

Среди причин, способствующих трансформации территорий традиционного природопользования, во-первых, экологическая ситуация и снижение качественно-количественных характеристик природного потенциала, служащих основой ТП, во-вторых, несовершенство законодательной базы по защите прав КМНС, в-третьих, низкая социальная адаптация КМНС. Считаем, что все они в конечном счете ухудшают условия и качество жизни коренных этносов. Влияние воздействия процесса про-

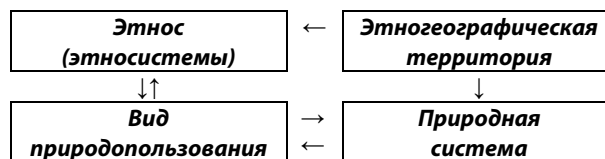

Рис. 2. Формирование видов природопользования

мышленного освоения территории на изменение уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера представлены в рисунке 1.

Хорошо приспособленные к жизни и работе в экстремальных климатических условиях, чему в немалой степени способствуют исторически сложившийся рацион питания, в котором значительную часть составляют белки и жиры (мясо и рыба), и национальная одежда, обеспечивающая уменьшение теплоотдачи в холодный период года и в целом к работе в суровых климатических условиях), КМНС, между тем, с большим трудом адаптируются к новым социально-культурным условиям и, как показывают опыт и результаты систематически выполняемых социологических опросов, остаются приверженцами традиционного природопользования.

По мнению Д.С. Климова и Л.Н. Беляевой, в современной науке под традиционным природопользованием принято понимать систему эксплуатации природных ресурсов, «созданную местным населением, эволюционно адаптированную к местным ресурсным условиям, и передающую из поколения в поколение традиционные приемы и формы ведения хозяйства» [2, с. 140], то есть это система хозяйствования, которая присуща одному или нескольким народам, присутствующим на определенной территории, и функционирующая на протяжении достаточно продолжительного периода времени.

В свою очередь, виды традиционного природопользования определяют естественные природные условия и характер взаимодействия с ними этноса (рис. 2).

Для КМНС рассматриваемой территории в число основных форм традиционного природопользования входят оленеводство, рыболовство, охота, сбор дикоросов, народные промыслы. Как свидетельствует опыт, своеобразное натуральное хозяйство позволяет удовлетворять потребности в продовольствии, одежде, предметах быта, особенно кочующего населения.

Оленеводство — единственная отрасль традиционного природопользования, в которой заняты исключительно коренные малочисленные народы Севера и в которой они практически не имеют конкуренции [3, с. 434]. Эта отрасль, несмотря на то, что поголовье в целом по автономному округу с середины 1950-х гг. снизилось более чем два раза (максимальная его численность составила 90,5 тыс. гол., на начало 1954 г.) [4, с. 90], остается ведущей товарной отраслью традиционного сектора хозяйства в Березовском МР (общее поголовье — 12 900 гол.). Сургутский МР традиционно был местом развития частного оленеводства, удовлетворяющего нужды владельцев стад. Из общего количества семей КМНС в МР 22,7 % (2016 г.), имеют оленей, а поголовье домашних северных оленей составляет 9,8 тыс. гол. Эта численность с небольшими отклонениями в ту или сторону сохранялась, по имеющимся статданным, на протяжении десятилетий.

С конца XIX в. началась первая волна промышленного освоения Севера и арктических территорий [5]. Если изначально оно было стихийным, с преобладанием развития горной промышленности, в том числе золотодобычи, и сохранением традиционного природопользования, то в последующем наблюдается расширение зоны промышленного освоения с попытками трансформации традиционного природопользования и, наконец, для современного периода характерна минерально-сырьевая специализация экстенсивного промышленного освоения территорий при деградации традиционного природопользования [6]. Если освоение восточных северных территорий начиналось со строительства малых городов или поселков, с сезонным завозом грузов и отправлением продукции, на базе которых развивались (а по мере отработки месторождений — ликвидировались) промышленные узлы, то процесс освоения Западно-Сибирских нефтегазовых месторождений в 1970–1980-х гг. сразу шел путем формирования крупных территориально-производственных, комплексов, промышленных узлов. Таким образом, сразу создавались группы взаимосвязанных произ-

водств с единой инфраструктурой, строительной базой, складывались целостные системы расселения с большими городами, что трансформировало уклад жизни КМНС.

Экологическая ситуация

Экстенсивное расширение хозяйственной деятельности нефтегазодобывающих корпораций в первые годы освоения территории ХМАО-Югры шло без природоохранных мероприятий. Негативное техногенное воздействие, связанное с освоением нефтегазовых ресурсов, в настоящее время, несмотря на принимаемые меры по его снижению, продолжает оказывать свое влияние на окружающую среду и население, как и в целом по России, где, в соответствии со статистической отчетностью, нефтедобывающая промышленность обеспечивает 1/12 всех выбросов от стационарных источников отечественных промышленных объектов, 1/10 объема выбросов жидких и газообразных веществ [7], текущий годовой выброс нефтяной отрасли оценивается более чем в 2,5 млн т загрязненных веществ, а объем попутного нефтяного газа, постоянно сжигаемого на факелах, составляет около 6 млрд м³ [8].

В Югре самая высокая нагрузка по загрязнению атмосферы приходится на Нефтеюганскую территорию — одно из старейших мест нефтедобычи и сравнительно недавно освоенный в этом отношении Ханты-Мансийский район (табл. 2).

Высокий уровень загрязнения напрямую коррелируется с нагрузкой нефтедобычи на площадь нефтедобывающей территории (табл. 3).

Наиболее крупными источниками загрязнения атмосферы в нефтегазовом комплексе являются:

- резервуары, в которых хранятся нефть, нефтепродукты, различные токсичные легкокипящие жидкости;
- очистные сооружения, некоторые технологические установки (установки каталитического крекинга, производства битумов и др.);
- факельные системы.

По данным Д.В. Московченко [9], под факельными установками в воздухе происходит увеличение (по сравнению с фоном) содержания диоксида азота и сажи в 2 раза, оксида углерода и метана — в 1,3 раза. На участках влияния разведочных и добывающих скважин количество сажи по сравнению с фоном увеличивается в 2 раза, диоксида азота — в 1,5 раза, диоксида серы — в 1,3 раза. Свой вклад в загрязнение воздушного бассейна вносит и ав-

Таблица 2

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, тыс. т

Территория	Всего выброшено в атмосферу загрязняющих веществ			2014/2016 гг., уд. вес, %	2016 г. к 2013 г., %
	2013 г.	2014 г.	2016 г.		
Всего	1866,16	1466,813	1427,991	100,0	78,6
Белоярская	118,871	111,953	117,685	7,6/8,2	99,0
Березовская	50,520	26,360	62,271	1,8/4,4	123,3
Кондинская	16,820	21,189	17,54	1,4/1,2	104,3
<i>в т. ч. г. Урай</i>	3,89	4,792	3,416		
Нефтеюганская	299,192	232,477	179,025	15,9/12,5	59,8
<i>в т. ч. г. Нефтеюганск</i>	0,560	0,653	2,013		
<i>г. Пыть-Ях</i>	4,583	4,710	8,948		
Нижневартовская	621,336	485,653	415,029	33,1/29,1	66,8
<i>в т. ч. г. Лангепас</i>	10,153	14,088	7,814		
<i>г. Мегион</i>	15,366	7,485	7,594		
<i>г. Нижневартовск</i>	11,879	10,392	8,403		
<i>г. Покачи</i>	0,735	0,375	1,095		
<i>г. Радужный</i>	0,417	0,278	0,636		
Октябрьская	127,012	87,664	93,759	6,0/6,6	73,8
<i>в т. ч. г. Нягань</i>	6,769	6,658	7,612		
Советская	41,791	36,909	50,168	2,5/3,5	120,0
<i>в т. ч. г. Югорск</i>	0,467	3,772	12,483		
Сургутская	336,495	302,132	365,211	20,6/25,6	108,5
<i>в т. ч. г. Сургут</i>	62,852	57,547	53,795		
<i>г. Когалым</i>	1,880	1,741	1,847		
Ханты-Мансийская	233,943	162,476	127,303	11,1/8,9	54,4
<i>в т. ч. г. Ханты-Мансийск</i>	1,475	1,710	1,518		

Рассчитано по источникам: Доклады «Об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2014 и в 2016 гг.», Ханты-Мансийск, 2015 и 2017.

Таблица 3

Добыча нефти по территориальным единицам автономного округа

Территория*	2014 г.	2016 г.	уд. вес, %	2014 г.	2016 г.	Добыча т, на 1 га площади
	млн руб.			тыс. т		
Белоярская	14138,7	21767,7	0,6/0,8	830,0	1930,3	20,0/46,4
Березовская	—	—	—	—	—	—
Кондинская	24624,1	39361,7	1,1/1,3	2442,9	2361,4	44,3/42,8
Советская	39060,7	41793,7	1,6/1,4	2940,7	2626,7	97,7/87,3
Октябрьская	119590,3	112343,9	5,1/3,8	9322,1	9079,2	368,5/358,7
Нефтеюганская	217326,4	305520,4	9,2/10,4	40194,5	42388,0	1620,7/1711,0
Ханты-Мансийская	281773,0	325999,5	12,0/11,1	46725,4	43495,4	1009,2/939,2
Нижневартовская	757806,4	804321,3	32,2/27,4	59492,5	53114,3	505,0/450,9
Сургутская	898876,6	1285789,5	38,2/43,8	88384,5	84161,2	837,0/797,4
Всего по округу	2353286,2	2936897,7	100/100	250332,6	239156,6	468,0

Рассчитано по источникам: Росстат: База данных муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения 12.07.16); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения 12.07.2016); Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в январе-декабре 2015 года. Статистический бюллетень. Ханты-Мансийск, 2015. С. 8; Доклад «Об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2014 году. Ханты-Мансийск, 2015; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/db/scripts/munst/munst71/DBInet.cgi> (дата обращения 09.02.2018).

* Муниципальный район с городскими образованиями в его пределах.

Таблица 4

Нарушенные земли и полигоны отходов, свалки в МР Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2015 г.

МР	Общая площадь, га	Нарушенные земли, га	Полигоны отходов, свалки, га	Уд. вес, %
Белоярский	4164599	1970	—	0,05
Березовский	8810053	—	—	0,0
Кондинский	5517028	2363	39	0,04
Нефтеюганский	2476591	11179	11	0,45
Нижневартовский	11784136	4746	20	0,04
Октябрьский	2531614	4370	—	0,17
Советский	3009254	1292	111	0,05
Сургутский	10555328	25819	—	0,24
Ханты-Мансийский	4631497	3019	20	0,07
Итого	53480100	54758	201	0,1

Источник: Экспликация земель Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Форма 22–2.

тотранспорт, выбросы от которого производятся непосредственно в зоне нахождения человека, поэтому действуют более активно и агрессивны.

Наибольшую опасность представляет загрязнение поверхностных и подземных вод и почвенного покрова. Из года в год возрастают объемы сброса сточных вод, неорганизованный сток с поверхности водостока выступает основным источником загрязнения рек. Аварийные ситуации, сопровождаемые проливанием нефти, обуславливают загрязнение почв, приводят к формированию очагов химического загрязнения, деградации и уничтожению почвенного покрова и, соответственно, трансформации и уничтожению растительности на значительных площадях [10]. Согласно данным, приведенным в статье М.Н. Игнатъевой, А.А. Литвиновой и О.В. Косолапова [11], на каждый 1 га земель, отводимых под промышленное строительство при освоении нефтегазовых месторождений, приходится 0,38 га «нарушенных земель», в составе которых сорок с лишним процентов составляют земли, загрязненные нефтепродуктами, минерализованными водами и буровыми растворами. Площади нарушенных земель, находящиеся в тесной связи с нефтедобычей, наиболее значительны в основных нефтегазодобывающих районах (Сургутском — по абсолютной величине и Нефтеюганском — по относительному показателю) (табл. 4).

Свою лепту в нефтяное загрязнение вносят и аварийные разливы нефти при повреждении газонепроводов, что зачастую связано с неоправданно длительным сроком их эксплуатации, а также несоблюдением требований проекта и правил, предъявляемых к выполнению работ. Основную опасность представляет повреждение магистральных трубопроводов при

подводном переходе их через водные преграды. Масштаб загрязнения в этом случае напрямую увязывается с процессами растекания нефти по поверхности воды и испарения. В среднем при растекании 1 т нефти загрязняется 20–30 км² поверхности воды [12] и чаще всего любая авария обуславливает утрату водоема, как объекта водопользования.

Загрязнение окружающей среды оказывает прямое воздействие на состояние здоровья населения, а также на состояние флоры и фауны, определяющих характер традиционного природопользования. Так, снижение продуктивности кормовых угодий, уменьшение площадей оленьих пастбищ, уменьшение численности оленей из-за их гибели в силу нарушения путей миграции и браконьерства со стороны пришлового населения находят свое отражение в негативных тенденциях развития оленеводства. Ухудшение качества и снижение биомассы бентоса и планктона на загрязненных участках рек, нарушение кислородного баланса, сокращение мест обитания, нагула и нереста рыб, в конечном счете, оборачивается ущербом, который наносится популяции рыб (взрослых рыб, молоди, личинок и икры) и, соответственно, ухудшает условия рыболовства. Последствия шумового загрязнения, химического загрязнения подземных и поверхностных водоемов находят отражение в ухудшении условий охотничьего промысла и сбора дикоросов и т. д.

Как следует из анализа, самой неблагоприятной является ситуация на Сургутской территории, где годовые выбросы загрязняющих веществ составляют 365,2 тыс. т. Продолжающееся с 2009 г. снижение добычи нефти в Сургутском субрегионе (на 17,7 млн т к 2017 г.) не оказало значительного влияния на уровень техногенного воздействия, наоборот, возобновление сырьевой базы за счет ос-

воения более мелких и низкодебитных новых месторождений расширяет зону воздействия на его территории, так как при этом растет количество разведочных и эксплуатационных скважин, а также новых коммуникаций, что негативно сказывается на развитии традиционного природопользования. Экологическая ситуация в Березовском районе может быть охарактеризована как удовлетворительная, не препятствующая развитию традиционного природопользования.

Формирование института родовых угодий и территорий традиционного природопользования

Помимо антропогенного воздействия, сопровождающего промышленное освоение территории Севера, серьезной причиной трансформации ТП служит несовершенство законодательства в части охраны прав КМНС. С началом рыночных реформ в Ханты-Мансийском автономном округе начался процесс формирования родовых угодий (с 2002 г. они в соответствии с федеральным законодательством именуется территориями традиционного природопользования (ТПП))¹. Следует отметить, что родовые угодья в местах проживания КМНС на территориях МР существовали постоянно. Они не возникали искусственным путем, здесь коренное население исконно занималось традиционным хозяйством. К середине 1980-х гг. процесс организации родовых угодий был практически завершен, создание новых угодий было временно приостановлено. Субъектами права являлись индивидуальные пользователи, семьи КМНС и национальные общины.

С момента вступления в силу Федерального закона о ТПП² в Югре началась работа по развитию институтов ТПП регионального значения. Постановлением Правительства автономного округа № 192-п³ ранее образованные родовые угодья признаны территориями традиционного природопользования регионального

значения в границах ранее утвержденных угодий и территорий приоритетного природопользования. В дальнейшем отношения в области образования и использования ТПП урегулировались региональным законом Ханты-Мансийского автономного округа № 145-оз⁴. В соответствии с этим законом полномочия в отношении ТПП осуществляют Правительство автономного округа, Комиссия по вопросам территорий традиционного природопользования и Департамент природных ресурсов и несырьевого сектора Югры.

В региональном законодательстве основными формами владения ТПП являются передача родовых на праве постоянного пожизненного или наследуемого владения угодий в аренду. При этом субъекты права ТПП не всегда распоряжаются территориями традиционного природопользования⁵. Мнения аборигенного населения по поводу форм собственности не спрашивали. В социологических опросах коренного населения (2001 г.) при оценке выбора между различными формами более половины опрошенных (58 %) считали, что она должна быть государственной, но с индивидуальным владением родовых угодий, около 20 % — на правах полной частной собственности, то есть с правом купли-продажи [13, с. 120]. Динамика количества организованных родовых угодий (ТПП) отражена в таблице 5.

Анализ данных, представленных в таблице 5, показал, что процесс образования родовых угодий является прямым отражением характера промышленной экспансии. Так, практика образования родовых угодий (ТПП) в Березовском МР осуществлялась на праве аренды, арендаторами были отдельные граждане, семьи и национальные общины. Рост последних в 1990-е гг. обусловил их высокую долю в общей площади МР, которая достигла наибольшей величины в середине 1990-х гг. Самая крупная национальная община «Сыгва» получила в свое пользование 721 тыс. га. После ее банкротства площадь родовых угодий зна-

¹ Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы / Сост. В. А. Кряжков. М.: Юридическая литература, 1994. С. 310–320.

² О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 20. Ст. 1972.

³ О территориях традиционного природопользования. Постановление Правительства автономного округа № 192-п от 10.04.2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-region.ru/1/54755/> (дата обращения 19.02.2018).

⁴ О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре № 145-оз от 28.12.2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://upch.admhmao.ru/dokumenty/hmao/365664/> (дата обращения 19.02.2018).

⁵ О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре № 145-оз от 28.12.2006. Гл. IV. Ст. 11. П 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://upch.admhmao.ru/dokumenty/hmao/365664/> (дата обращения 19.02.2018).

Таблица 5

Динамика количества и площадей организованных родовых угодий (ТТП), на 01.01.2017

МР	Динамика количества и площадей организованных родовых угодий (ТТП), по годам							
	1994	1996	1997	1999	2001	2003	2012	2017
<i>Березовский</i>								
к-во, ед.	20	24	25	23	11	13	21	21
га	1307864	2395990	2395000	1437900	1022357	415000	938454	882002
га/ угодье	65393	99833	95800	62517	92941	31923	44688	42000
уд. вес в МР, %	14,8	27,2	27,2	16,3	11,6	4,7	10,7	10,0
<i>Сургутский</i>								
к-во, ед.	79	107	107	107	107	107	107	107
Га	4139292	4959887	5742767	5742767	5742767	5742767	4738380	5317539
га/ угодье	52396	46354	53671	53671	53671	53671	44284	49697
уд. вес в МР, %	39,2	47,0	54,2	54,2	54,2	54,2	44,9	50,4

Источник: рассчитано по данным Окружного комитета по земельным ресурсам Ханты-Мансийского автономного округа и Управления Федерального агентства земельного кадастра объектов недвижимости ХМАО-Югры.

Информация об исполнении Закона Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.dumahmao.ru/ai_fill/File/control%20activities/2017/20170928_326_inf.pdf (дата обращения 15.02.2018).

Таблица 6

Динамика количества экономических соглашений и общий объем компенсационных выплат

Показатель	Значения показателя, по годам					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
К-во соглашений, ед.	638	901	741	944	1078	1132
Общий объем компенсационных выплат, млн руб.	218,6	376,1	358,3	442,2	578	608,1
Приходится на 1 соглашение, тыс. руб.	342,6	417,4	483,5	468,4	536,2	537,2
Приходится на 1 соглашение, руб/мес.	28550	34783	40292	39033	44683	44767
Численность проживающих в пределах ТТП, чел.*	2410	2494	2535	2554	2629	2700
Выплаты на 1 проживающего, руб/мес.	11846	13947	15894	15283	16996	16580

Рассчитано на основе данных Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора ХМАО-Югры.

* Оценка проживающих на территории ТТП, где работают нефтяники.

чительно сократилась с 27 % до 10 % в настоящее время. Арендная форма пользования оказала влияние на динамику количества и площадей ТТП, при окончании срока аренды (в случае смерти владельца или по другим причинам) она не всегда пролонгировалась. Другая причина — низкая заинтересованность коренного населения в организации ТТП, так как на эти территории, свободные от промышленной деятельности, у них не было конкурентов, зато в достатке имелись свободные земли для занятия традиционной деятельностью. Проблема собственности на земельные и биологические ресурсы, если и возникала, то не имела такой остроты, как в районах интенсивной эксплуатации минерально-сырьевых ресурсов, где развитие техногенных отраслей создает угрозу традиционным отраслям хозяйства, а значит, и существованию малочисленных народов Севера как этноса.

В Сургутском МР у КМНС еще в 1970-е гг. появились претенденты на их угодья в лице нефтяников, зона деятельности которых с каждым годом расширялась, что создало проблему развития традиционного сектора, притом что региональное законодательство позволило закреплять за ними земли традиционного природопользования. В результате коренное население спешило закреплять свои права через создания ТТП. Право это не мешало недропользователям вторгаться в их границы, о чем свидетельствует рост числа экономических соглашений, открывающих доступ к ТТП (табл. 6). Тем более, что в декабре 2013 г. был принят новый закон — «О внесении изменений в Федеральный Закон „Об особо охраняемых природных территориях”»¹, в рамках которого

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законо-

территории традиционного природопользования перестали быть особо охраняемыми природными территориями. В результате были сняты запреты, распространяющиеся на ТТП.

Таким образом, если в дальнейшем будут приняты все изменения в Земельном кодексе, то понятие «территория традиционного природопользования коренных малочисленных народов» может оказаться вне правового поля, охраняющего места компактного проживания народов Севера от промышленного освоения, оставляя его без защитных механизмов [14, с. 40].

Взаимоотношения между пользователями ТТП и недропользователями в ХМАО-Югре осуществляется на основе договорных отношений, практика которых насчитывает не одно десятилетие. За годы промышленного освоения здесь накоплен большой опыт этих взаимоотношений, как положительный, так и отрицательный. Определяющий фактор этих отношений — экономический. Для КМНС соглашения остаются важным источником их семейного дохода. В связи с этим, с одной стороны, они заинтересованы, чтобы нефтяники работали в угодьях, с другой стороны, чтобы при этом они осуществляли ее в рамках природоохранных мероприятий с последующей рекультивацией обработанных участков.

За длительный период взаимоотношений было накоплено много взаимных претензий с обеих сторон. КМНС уповали на то, что недропользователи не всегда выполняют соглашения, не дают вносить в них свои коррективы. Нефтяники, наоборот, считают многие требования коренного населения завышенными, местная власть боится, чтобы пользователи ТТП не превратились в рантье. По нашему мнению, а также по мнению других исследователей, в современных условиях они не направлены на устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера, «участие корпораций в деятельности по повышению уровня жизни и улучшения качества жизни осуществляется на бессистемной основе» [15, с. 146]. Реальные компенсационные выплаты не только не приводят к росту благосостояния, но чаще всего даже не покрывают причиненного ущерба. Главным недостатком экономических соглашений является то, что они не дают возможностей для развития коренных народов, а подчас способствуют росту иждивенческих на-

строений. В лучшем случае они помогают семьям аборигенов выживать и сохранять традиционный образ жизни. Проблемой является также недостаточный государственный и муниципальный контроль над их исполнением [16, с. 25].

Соглашения не являются полной компенсацией, так как промышленное освоение территорий традиционного природопользования наносит комплексный урон социально-экономическому и культурному развитию аборигенов. И хотя число их и общий объем компенсационных выплат с каждым годом увеличиваются, однако при кажущемся их большом объеме величина в среднем на 1 чел. (включая несовершеннолетних детей) в месяц составила в 2016 г. около 16,6 тыс. руб., или 25 тыс. руб. на 1 взрослого. При этом приходится констатировать, что благодаря заключению экономических договоров с недропользователями, материальное положение КМНС улучшилось, но возможности для традиционной трудовой деятельности уменьшились.

Данная проблема не является чисто российской, она характерна и для других циркумполярных стран, особенно для Канады и США (Аляска), но там она решается в несколько ином ключе. Об этом свидетельствуют многочисленные зарубежные и отечественные публикации, касающиеся как взаимоотношений хозяйствующих субъектов и коренных народов, так и адаптации последних к изменившимся условиям [16–22 и др.].

Проблемы социальной адаптации

В городах и поселках, которые выросли в Ханты-Мансийском автономном округе в последние 30–50 лет представители коренных этносов попадают в сложные для социальной адаптации условия. Изменения социальной среды, попадание в другую культуру вызывает у них так называемый культурный шок (термин, введенный американским антропологом К. Обергом [23]). В экологической психологии, новой отрасли знаний, изучаются многосторонние взаимосвязи между переменными среды и различными характеристиками психики человека. К саморегулирующим областям среды относятся природная среда, деятельностьная среда, социальная и культурная среда. Гармоничный образ жизни развивается лишь в среде, где взаимосвязи субъекта с разными областями среды взаимны и непротиворечивы [24]. В новой среде у человека возникает конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций. Перемена привычной среды обита-

дательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 28.12.2013 № 406-ФЗ. (принят ГД ФС РФ 18.12.2013). <https://duma.consultant.ru/documents/3610667?items=1&page=3> (дата обращения 24.02.2018).

ния КМНС создает стрессовую ситуацию, вызывающую постоянное перенапряжение индивидуальных механизмов адаптации, что затрудняет социальную интеграцию, вызывает негативные последствия для организма, приводит к ухудшению физического развития детей, росту заболеваемости.

Процессу социальной адаптации коренного населения способствуют такие факторы, как выезд на учебу, призыв в армию и др. Благодаря этому часть представителей коренного населения приобщается к современному производству и современному образу жизни, то есть происходит его естественная адаптация к изменившимся условиям, формируются другие цели и приоритеты, далекие от традиционных. Начальный этап социальной адаптации коренного населения начинается в детские годы со школ-интернатов, где дети оторваны не только от природной, но и родительской среды. Здесь происходит первый этап социальной адаптации к иному образу жизни и культуре. После восьмилетнего обучения в школах-интернатах представители коренного населения подходят к точке бифуркации: часть их возвращается обратно в привычную для них среду в тайгу к родителям, а часть, преимущественно девушки, продолжают образование, стараясь приобрести новый для них социальный статус. После окончания средней школы они снова приходят к выбору: продолжать учебу дальше в учреждениях среднего или высшего профессионального образования или попытаться трудоустроиться в крупном сельском или городском населенном пункте. В любом случае, они уже оторваны от традиционного образа жизни и вряд ли к нему вернуться даже несмотря на то, что многие не смогут найти работу по душе и с приемлемой величиной оплаты труда.

Для тех, кто продолжает вести традиционный образ жизни особо важное значение имеет занятость. Это образ жизни КМНС, его культура, психология и мораль, то есть без привычного труда, жизнь не имеет смысла. Как до начала промышленного освоения территории, так и в период освоения, основным фактором, определяющим материальную независимость коренного жителя, является трудовая занятость независимо от того, устроен он официально на работу или самозанят в традиционной деятельности.

Этносоциоэкологический подход к оценке жизнедеятельности КМНС

На сегодня система показателей раздела «Уровень жизни населения», введенная в дей-

ствии Госкомстатом России, включает в себя 12 показателей, однако специфичность образа жизни КМНС не позволяет считать их объективными для этой категории населения. Обобщение и анализ результатов отечественных и зарубежных исследований, посвященных данной проблеме, а также собственные исследования авторов позволили использовать для оценки уровня и качества жизни КМНС количественно-качественный подход. Данный подход предполагает дополнение количественной оценки, полученной на основе статистических данных и результатов социологических опросов, качественными, предусматривающими глубокий анализ обобщения статистических данных, результатов опросов, наблюдений и т. п. Организация социологических опросов в данном случае ориентирована на обеспечение информационного взаимодействия КМНС и органов власти в направлении реализации системы мер по сохранению и развитию традиционного сектора хозяйствования, сохранение сложившегося образа жизни КМНС. Перечень социальных индикаторов, полученных в процессе проведения социологических опросов, наряду с показателями статистической отчетности, позволяет получить более качественную картину исследуемого явления. В аспекте рассматриваемой проблемы этносоциоэкологический подход предполагает обязательную оценку экологической ситуации, состояния традиционного природопользования и вероятности вытеснения КМНС с территорий традиционного природопользования, а также изменения уровня и качества их жизни в этот период, что может получить отражение в стоимостном выражении как причиненный экономический ущерб [25].

Важным аспектом этносоциоэкологического подхода является оценка воспроизводства коренного этноса и его особенностей на освоенных и осваиваемых территориях, хотя следует сразу отметить, что в силу различных причин тесной корреляции с уровнем освоенности территории нет.

Оценка и характеристика социально-экономического развития исследуемых МР отражены в таблице 7.

При средних высоких показателях заработной платы работающих и доходов населения в целом по этим муниципальным районам, у КМНС они значительно ниже, что связано с их работой в малопrestижных и низкооплачиваемых отраслях, высоким уровнем безработицы, более низкой долей трудоспособного и занятого населения. Уровень их социального бла-

Социально-экономическое развитие МР, 2016 г.*

Показатель	Значение показателя социально-экономического развития по МР		
	Березовский МР	Сургутский МР	Сургутский МР к Березовскому МР
Численность населения, чел.	22973	122695	5,3 раза
В т. ч. городское население, чел.	14527	86177	5,9 раза
сельское население, чел.	8446	36518	4,3 раза
Средняя плотность, чел./100 км ²	26	116	4,5 раза
Численность КМНС, чел.**	6396	3427	53,6 %
Доля КМНС, %	27,8	2,79	10,0 %
Среднесписочная численность занятых, чел.	9075	101998	11,2 раза
Средняя зарплата, руб./мес.	63484,3	76303,9	1,2 раза
Доходы, руб./мес.	34730,6	47600,0	1,4 раза
Объем отгруженной продукции собственного производства, млн руб.	1234,79	1105922,6	895,6 раз

* Источники: Основные показатели социально-экономического развития Сургутского района за 2016 год. — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра: МО Сургутский район: Комитет экономического развития. 99 с. [Электронный ресурс]. URL: www.admsr.ru/region/2409/ (дата обращения 14.02.2018); Итоги социально-экономического развития муниципального образования Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за январь — декабрь 2016 года. Березово, 2017. 74 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berezovo.ru/activity/economy/itogi/> (дата обращения 16.02.2018).

** По данным муниципального образования. По данным Бюджетного учреждения «Медицинский информационно-аналитический центр» численность КМНС по Березовскому МР составляла 5710 чел.; Сургутского МР — 3239 чел.

гополучия характеризует занятость коренного населения, которая остается низкой в условиях рыночной экономики уже на протяжении более 25 лет. Так, в целом по Сургутскому району уровень регистрируемой безработицы на 1 января 2017 г. составил 0,25 %. Но даже при таком ее низком уровне численность неработающих среди КМНС составила 378 чел., или около четверти населения трудоспособного возраста¹.

В Березовском МР на 1 января 2017 г. численность безработных граждан, зарегистрированных в службе занятости населения, составила 304 чел., а уровень зарегистрированной безработицы — 2,33 %, то есть был на порядок выше по сравнению с Сургутским МР². Значительную часть безработных также составляют КМНС. Из-за отсутствия рабочих мест и, в связи с этим, постоянных зарплат во многих населенных пунктах, расположенных в глу-

бинке, одним из основных источников доходов коренного населения являются пенсии и реализация самостоятельно заготавливаемой продукции в тайге и на водоемах, в Сургутском МР, помимо этого — выплаты по экономическим соглашениям. Низкие доходы коренного населения компенсируются также из бюджетов разного уровня.

Что касается демографических проблем, то еще в конце прошлого столетия многие отмечали наличие и их обострение среди коренных народов. Так, Ф.С. Донской по результатам проведенного исследования отметил сокращение естественного прироста населения КМНС за 1990–2003 гг. в 3,6 раза, в том числе хантов и манси — в 3–4 раза [26, с. 97]. Это подтверждает ретроспективный анализ демографических процессов в пределах Березовского и Сургутского МР, который свидетельствует о снижающих трендах его воспроизводства в 1990-е гг. и постепенные положительные изменения, начавшиеся в 2000-е гг. На показатели рождаемости и смертности в обоих МР большее влияние оказал сложившийся этнический состав семей коренного населения, половозрастная структура населения, миграционные процессы и накопленный с конца 1980-х гг. демографический потенциал.

Одной из главных причин высокой смертности и низкой продолжительности жизни яв-

¹ Основные показатели социально-экономического развития Сургутского района за 2016 г. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра: МО Сургутский район. Комитет экономического развития. 99 с. [Электронный ресурс]. URL: www.admsr.ru/region/2409/ (дата обращения 14.02.2018). С. 92.

² Итоги социально-экономического развития муниципального образования Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры за янв.-дек. 2016 г. Березово, 2017. 74 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berezovo.ru/activity/economy/itogi/> (дата обращения 16.02.2018). С. 55.

Таблица 8

Численность умерших от травм и отравлений

Показатель	1995 г.		1996 г.		1997 г.		1999 г.	
	Кол-во умерших	%	Кол-во умерших	%	Кол-во умерших	%	Кол-во умерших	%
Травмы и отравления	73	37,8	102	34,3	123	42,9	85	30,5
Умерло всего	193	100,0	297	100,0	287	100,0	278	100,0

Источник: Состояние здоровья малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа за 1980–1999 гг. Ханты-Мансийск: Округное территориальное медицинское управление, 1999 (аналитическая записка).

Таблица 9

Динамика естественного прироста КМНС, ‰

МР	Коэффициент	Естественный прирост, по годам			
		2001–2005	2007–2010	2015	2016
Березовский	K_p	17,3	21,5	14,0	18,7
	K_c	15,0	11,9	8,0	14,5
	K_{en}	2,3	9,6	6,0	4,2
Сургутский	K_p	21,3	26,8	23,5	27,2
	K_c	15,6	11,9	7,7	8,3
	K_{en}	5,7	14,9	15,8	18,6

Примечания: K_p — коэффициент рождаемости; K_c — коэффициент смертности; K_{en} — коэффициент естественного прироста.

Рассчитано по источникам: Здоровье населения коренных малочисленных народов Севера по итогам 2001–2003 гг.; 2005 г.; 2006–2010 гг.; 2015–2016 гг. Статистические материалы. Ханты-Мансийск: Бюджетное учреждение «Медицинский информационно-аналитический центр».

ляется не только физическое, но и психическое здоровье коренного населения. Начавшиеся рыночные реформы поспособствовали возникновению «люмпенизированных» групп коренного населения, с которыми следует связывать рост пьянства и алкоголизации народов Севера, а также проблему отклоняющегося поведения и высокую смертность от несчастных случаев. Имеющаяся статистика середины и конца 1990-х гг. отмечает рост пьянства и алкоголизации народов Севера Югры и связанная с этим высокая смертность от несчастных случаев, самоубийств и убийств, на долю которых приходилось 34,3–42,9 % летальных исходов (табл. 8).

Такое положение было характерно для коренных народов не только ХМАО-Югры, но и других районов Севера, хотя и здесь имеются определенные региональные и внутрирегиональные отличия в естественном воспроизводстве населения, возникшие под влиянием синдрома рыночных преобразований, которые были в последствии в некоторой степени преодолены так же, как и при первой волне промышленного освоения в 1970-е гг. В этом отношении адаптация (возврат) естественного воспроизводства коренного населения к традиционному репродуктивному поведению происходит быстрее, чем его социальная адаптация к изменившимся условиям. За послед-

ние 10 лет демографическая ситуация среди коренных малочисленных народов Севера изменилась в лучшую сторону.

Воспроизводство коренных малочисленных народов Севера имеет свои особенности, его характерной чертой являются более высокие уровни рождаемости и смертности по отношению к уровням этого показателя остального населения. Существуют также некоторые внутрирегиональные отличия в пределах одного субъекта Федерации, что обусловлено рядом причин. Так, при сравнении на основе имеющейся статистической информации двух муниципальных районов Югры, имеющих разный уровень промышленного освоения (промышленно освоенный Сургутский МР и малоосвоенный Березовский МР), обнаруживается некоторый парадокс в воспроизводстве КМНС, хотя в целом он не нарушает выдвинутой нами гипотезы (табл. 9).

Вопреки сложившимся представлениям, на промышленно освоенной Сургутской территории с нарушенными природными ландшафтами и более высоким уровнем загрязнения в 2000-е гг. демографические показатели естественного воспроизводства коренного населения лучше, чем в малоосвоенном Березовском МР. Это отражено в более высоких цифрах коэффициентов рождаемости и естественного прироста, которые при одинаковой величине

Динамика численности КМНС, чел.

МР	Численность КМНС, по годам, чел.									
	1989	1995	2001	2003	2005	2007	2009	2010	2015	2016
Березовский	4316	6018	5477	5638	5797	6097	5910	6111	5984	5710
Сургутский	2497	2650	2750	2788	2848	2873	2927	2968	3234	3239
Югра, всего	19598	23620	27770	28745	29753	30248	30348	31427	30773	30815

Источники: [4, с. 279]; Состояние здоровья малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа за 1980–1999 гг. Ханты-Мансийск: Окружное территориальное медицинское управление, 1999. Аналитическая записка; Здоровье населения коренных малочисленных народов Севера по итогам 2001; 2003; 2005; 2007; 2009–2010; 2015–2016 гг. Статистические материалы. Ханты-Мансийск: Бюджетное учреждение «Медицинский информационно-аналитический центр».

уровня смертности, обеспечивают в первом МР в целом устойчивый рост численности КМНС (табл. 10).

Индикатором демографического благополучия является уровень смертности, на величину которого, помимо особенностей половозрастной и этнической структуры населения, оказывают влияние экологические факторы, например, загрязнение территории. Хотя этот показатель на рассматриваемых территориях одинаков, но причины его различны и в целом отражают неблагоприятные условия жизни коренного населения. Так, в Сургутском МР коэффициент смертности КМНС в 2000-е гг. в 2,5–3,0 раза выше его среднего показателя по муниципальному району.

В нашем случае имеющиеся различия в демографических процессах обусловлены рядом причин: в Сургутском муниципальном районе это связано с сохранением исторически сложившихся установок в семейных отношениях, ориентированных на многодетность (доля многодетных семей 14,6 %, 2016 г.), с сохранением преимущественно мононациональной структуры семей хантов и ненцев (значительная часть которых в северной части Сургутского района ведет кочевой образ жизни), с наличием здесь большого количества ТТП (107 ед.), занимающих около половины площади МР, пользователями которых являются в основном семьи представителей КМНС (1984 чел., или 58 % от общей численности КМНС в 2016 г. проживали на территориях традиционного природопользования).

Березовский МР отличается высокой долей этнически смешанных семей, проживающих в относительно крупных населенных пунктах (например, с. Саранпауль) с несколько иными репродуктивными установками, свойственными пришлому населению. В многочисленных мелких поселениях (юртах, паулях) деформирована половозрастная структура населения, которое представлено здесь лицами стар-

шего возраста и преимущественно мужским населением, что не позволяет создавать семьи и, соответственно, воспроизводить потомство.

В большей степени фактор промышленного освоения территории проживания коренных малочисленных народов Севера оказывает влияние на здоровье КМНС вследствие ухудшения экологической ситуации, что сказывается на уровне заболеваемости населения, который в связи с этим увеличивается. Основными его показателями являются первичная заболеваемость и болезненность, фиксируемые медицинской статистикой. Динамика этих процессов тесно коррелируется с уровнем промышленного освоения территории. Рост выбросов, сбросов, загрязнение почвы отражаются на здоровье населения, в том числе коренного. Вследствие значительной разницы в этих показателях, в частности выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (см. табл. 2), различаются и цифры уровня болезненности КМНС Сургутского и Березовского МР в разные временные периоды. В первом МР эти показатели в силу высокого уровня промышленного освоения в 1,5–2,5 раза превышали таковые малоосвоенного Березовского района (табл. 11).

При этом следует отметить, что ситуация на территории Сургутского МР со временем улучшалась, что было связано с проводимыми природоохранными мероприятиями по утилизации попутного нефтяного газа, способствующими снижению выбросов в атмосферу продуктов его сжигания, но тем не менее выглядела менее благополучной по сравнению с Березовским МР.

Заключение

Таким образом, как теория, так и практика (сравнительный эмпирический анализ освоенной и малоосвоенной в промышленном отношении территории) подтверждают тесную связь промышленного освоения территории, при котором происходит трансформация при-

Таблица 11

Болезненность КМНС по всем классам заболеваний

МР	Период	Болезненность населения, по возрастным группам			
		всего	взрослые	подростки	дети
Березовский, ‰	2004–2005	1185,5	885,7	1456,1	1599,8
Сургутский, ‰		2945,1	3182,3	2841,3	2562,9
Сургутский МР по отношению к Березовскому, %		248,4	359,3	195,1	160,2
Березовский, ‰	2007–2010	928,1	897,5	1806,5	1725,8
Сургутский, ‰		1776,6	1973,1	2745,9	1860,7
Сургутский МР по отношению к Березовскому, %		191,4	219,8	152,0	107,6
Березовский, ‰	2015–2016.	1219,5	995,1	1138,0	1335,5
Сургутский, ‰		1826,0	1565,8	2402,0	2110,2
Сургутский МР по отношению к Березовскому, %		149,7	157,4	211,1	158,0

Рассчитано по источникам: Здоровье населения коренных малочисленных народов Севера по итогам 2004; 2005; 2007; 2009–2010; 2015–2016 гг. Статистические материалы. Ханты-Мансийск: Бюджетное учреждение «Медицинский информационно-аналитический центр».

родной среды, вызванная загрязнением атмосферы, водоемов, земель, и их нецелевым использованием, и изъятием. Все это обусловило негативные экологические и социальные последствия для КМНС. Последние выражены в снижении природно-ресурсного потенциала районов проживания коренных малочисленных народов Севера, являющегося материальной базой их существования, в нарушении естественного воспроизводства населения, росте заболеваемости и смертности КМНС, ухудшении их физического и психического состояния.

Традиционное природопользование — наиболее широко представленный в пространственном отношении вид хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, зависящий от экологической емкости территории и уровня ее освоенности, степени воздействия техногенного освоения. В зависимости от влияния этих факторов складываются различные модели, формы организации хозяйства в ареалах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных этносов. На территориях интенсив-

ного недропользования наиболее острые проблемы связаны с решением вопросов взаимоотношений между техногенными и традиционными отраслями по поводу разграничения этих видов хозяйственной деятельности, направлениями сохранения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности в условиях промышленной экспансии, адаптации коренных этносов к новым видам хозяйственной деятельности. На неосвоенных северных территориях — с диверсификацией развития традиционных отраслей с целью создания продукции с более высокой добавленной стоимостью и созданием новых рабочих мест при сохранении природной среды и ее биотического механизма регулирования.

В связи с вышесказанным для КМНС необходима разработка двух вариантов модели устойчивого развития. Первая модель — для районов с сохраняющимся традиционным природопользованием, вторая — для промышленно освоенных районов. При реализации и той и другой модели должны учитывать интересы коренных малочисленных народов.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках и при финансовой поддержке гранта РФФИ «Концептуальные положения развития отраслей традиционного природопользования и коренных этносов в пределах интенсивно осваиваемых и неосвоенных районов Севера» № 18-010-00626.

Список источников

1. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа — М. : Экономика, 2007. — 415 с.
2. Климов Д. С., Беляева Л. Н. Этническое и традиционное природопользование в эпоху глобализации // Проблемы региональной экологии. — 2010. — № 1. — С. 137–143.

3. *Пилясов А. Н.* И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 544 с.
4. *Кокосов Н. М., Никулин В. И., Харин В. И.* Ханты-Мансийский национальный округ. Очерк природы и хозяйства. — Свердловск : Урал. филиал АН СССР, 1956. — 104 с.
5. *Красовская Т. М.* Природопользование Севера России. — М. : Изд-во ЛКН, 2008. — 288 с.
6. *Логинов В. Г.* Социально-экономические аспекты освоения и развития северных районов. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2012. — 450 с.
7. *Васильев С. И., Милосердов Е. Е., Булчаев Н. Д.* Экологические проблемы при разработке нефтяных и газовых месторождений Восточной Сибири // Горная промышленность. — 2015. — № 3(121). — С. 88–89.
8. *Черняго Л. С., Бойкова Д. Н.* Техногенная трансформация экосистем Севера в районах нефтедобычи // Разведка и охрана недр. — 2012. — № 7. — С. 30–32.
9. *Московченко Д. В., Бабушкин А. Г.* Нефтяное загрязнение поверхностных вод на территории ХМАО-Югры // Экология и промышленность России. ЭКиП. — 2014. — № 4. — С. 34–38.
10. *Юдахин Ф. Н., Губайдуллин М. Г., Коробов В. Б.* Экологические проблемы при освоении минерально-сырьевых ресурсов Архангельской области // Геоэкология. — 2004. — № 3. — С. 195–206.
11. *Игнатьева М. Н., Литвинова А. А., Косолапов О. В.* К методическому обеспечению прогнозирования экологических последствий воздействия добычи нефти и газа в северных регионах // Известия вузов. Горный журнал. — 2011. — № 7. — С. 70–76.
12. *Телегин Л. Г., Ким Б. И., Зоненко В. И.* Охрана окружающей среды при сооружении и эксплуатации газо-нефтепроводов. — М. : Недра, 1988. — 188 с.
13. *Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г.* Традиционный уклад и образ жизни обских угров. По материалам социологических исследований. — М. : Издательство «Икар», 2002. — 2002 с.
14. *Пахомов А. А., Мостахова Т. С.* Арктические территории: проблемы развития и освоения. На примере Республики Саха (Якутия) // Экономика востока России. 2014. — № 2. — С. 33–42.
15. *Алексеев В. В., Раевский С. В.* Развитие экономики северного региона с учетом интересов коренных малочисленных народов. — М. : Экономическое образование, 2016. — 166 с.
16. *Крюков В. А., Токарев А. Н.* Нефтегазовые ресурсы в трансформируемой экономике. О соотношении реализованной и потенциальной общественной ценности недр. Теория, практика, анализ и оценки. — Новосибирск: Наука-Центр, 2007. — 588 с.
17. *Новикова Н. И.* Взаимодействие коренных малочисленных народов и промышленных компаний. Гл. 2 // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. — М. : ИЭА РАН, 2012. — 288 с.
18. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики. Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе / Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. — М.; Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. — 268 с.
19. *Хакназаров С. Х.* Природные ресурсы и обские угры. — Екатеринбург : Издательство «Баско», 2006. — 152 с.
20. *Forbes B. C.* Cultural resilience of social-ecological systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrugs, Russia: a focus on reindeer nomads of the tundra // Ecology and Society. — 2013. — 18(4) — P. 36 [Electronic resource]. URL: https://www.ecologyandsociety.org/vol18/iss4/art36/#author_address (дата обращения 19.02.2018).
21. *Haller T., Bloenclinger A., Marthaler E., John M., Ziegler S.* Fossil fuels, oil companies, and indigenous peoples: strategies of multinational oil companies, states, and ethnic minorities. Impact on environment, livelihood and cultural change. — Hamburg, Germany LIT : Verlag Münster, 2007. — 610 p.
22. *Mikkelsen A., Langhelle O.* Arctic Oil and Gas: Sustainability at Risk? — Taylor & Francis, 2008. — 394 p.
23. *Oberg K.* Practical Anthropology. — New Mexico, 1960. — 400 p.
24. *Стерлигова Е. А.* Экологическая психология: учеб. пособие. — Пермь: ПГНИУ, 2012. — 212 с.
25. Методические материалы по взаимоотношениям коренных малочисленных народов Севера с хозяйствующими субъектами / Пахомов В. П., Игнатьева М. Н., Беляев В. Н. и др. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2000. — 63 с.
26. *Донской Ф. С.* Интеграционные процессы в жизни северян. Проблемы и перспективы // Социологические исследования. — 2005. — № 5. — С. 97–100.

Информация об авторах

Логинов Владимир Григорьевич — доктор экономических наук, заведующий сектором регионального природопользования и геоэкологии, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Игнатьева Маргарита Николаевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора регионального природопользования и геоэкологии, Институт экономики УрО РАН; профессор кафедры экономики и менеджмента, Уральский государственный горный университет (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30; e-mail: rinis@mail.ru).

Балашенко Валерий Васильевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора регионального природопользования и геоэкологии, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bala10@mail.ru).

For citation: Loginov, V. G., Ignatyeva, M. N. & Balashenko, V. V. (2018). Ethnic Social and Ecosystem Approach to the Evaluation of the Lifelihoods of Small Indigenous Peoples of the North. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 14(3), 896-913

V. G. Loginov^{a)}, M. N. Ignatyeva^{a), b)}, V. V. Balashenko^{a)}

^{a)} Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: log-wg@rambler.ru)

^{b)} Ural State Mining University (Ekaterinburg, Russian Federation)

Ethnic Social and Ecosystem Approach to the Evaluation of the Lifelihoods of Small Indigenous Peoples of the North

The regions of the Russian North occupy 70 % of the territory of the country. These areas considerably differ in the level of socio-economic development. Khanty-Mansi Autonomous Okrug (KhMAO) — Yugra is the most developed industrial region of the Russian North. KhMAO is also the main supplier of oil and gas resources. Thus, KhMAO is the focus of the research. The purpose of the paper is to evaluate how the traditional natural resource management transforms on the developing territories and to assess its impact on the lifelihoods of the Small Indigenous Peoples of the North (SIPN). The study is based on the hypothesis of the negative impact of industrial development on the territory of the traditional residence of SIPN and, accordingly, on their social and economic development and the quality of life. We have found certain intraregional distinctions of this territorial subject of the Federation. These differences are caused by the features of natural and resource potential, transport security and geographical location. It is true for both the separate municipal entities and larger territorial and administrative sub-regions. We have identified the most acute problems in the development of traditional natural resource management on the territories of active industrial and transport development. The main industries there are reindeer breeding and fishery. We also identified the problem of the northern legislation set up to protect the rights of SIPN. The paper considers the evolutionary changes in the formation of the institution of ancestral domains and the territories of traditional natural resource management, as well as the practice of coordinating the interests of subsoil users and SIPN's representatives with the help of economic agreements. We have demonstrated the problem associated with the difficulties of social adaptation of SIPN. We have analyzed the ecological situation and current state of traditional environmental management to compare the conditions of municipal entities of the region. Using ethnic social and ecosystem approach, we have evaluated the lifelihoods of SIPN in the developed and poorly developed regions of KhMAO. The results of the assessment support the hypothesis of the research. The findings of the research can be used when working out on the roadmap of the development of traditional industries and SIPN in the municipal districts of various development level.

Keywords: ethnic social and ecosystem approach, Small Indigenous Peoples of the North (SIPN), sub-region, traditional natural resource management, industrial development, man-caused and anthropogenic impact, ecological situation, protection of rights, transformation, traditional industries, social adaptation, lifelihoods, living standards

Acknowledgements

The article has been supported by the Grant of the Russian Foundation for Basic Research «Concepts for the development of the industries of traditional environmental management and indigenous ethnic groups within intensively developed and undeveloped regions of the North» № 18-010-00626.

References

1. *Prostranstvo, lyudi, ekonomika Yugry. Sotsialno-ekonomicheskaya transformatsiya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga* [Space, people, economy of Yugra. Socio-economic transformation of Khanty-Mansi Autonomous Okrug]. (2007). Moscow: Ekonomist Publ., 415. (In Russ.)
2. Klimov, D. S. & Belyaeva, L. N. (2010). Etnicheskoye i traditsionnoye prirodopolzovanie v epokhu globalizatsii [Ethnic and traditional nature of globalization]. *Problemy regionalnoy ekologii* [Regional Environmental Issues], 1, 137–143. (In Russ.)
3. Pilyasov, A. N. (2009). *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will become the first. The northern periphery on the way to knowledge economy]. Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM Publ., 544. (In Russ.)
4. Kokosov, N. M., Nikulin, V. I. & Kharin, V. I. (1956). *Khanty-Mansiyskiy natsionalnyy okrug. Ocherk prirody i khozyaystva* [Khanty-Mansi national area. Sketch of the nature and economy]. Sverdlovsk: Ural. filial AN SSSR Publ., 104. (In Russ.)
5. Krasovskaya, T. M. (2008). *Prirodopolzovanie Severa Rossii* [Environmental management of the North of Russia]. Moscow: LKN Publ., 288. (In Russ.)
6. Loginov, V. G. (2012). *Sotsialno-ekonomicheskie aspekty osvoeniya i razvitiya severnykh rayonov* [Socio-economic aspects of reclamation and development of northern areas]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 450. (In Russ.)
7. Vasiliev, S. I., Miloserdov, E. E. & Bulchaev, N. D. (2015). Ekologicheskie problemy pri razrabotke neftyanykh i gazovykh mestorozhdeniy Vostochnoy Sibiri [Environmental problems of the development and production operations of oil and gas fields of Eastern Siberia]. *Gornaya promyshlennost* [Mining Industry], 3(121), 88–89. (In Russ.)

8. Chernyago, L. S. & Boykova, D. N. (2012). Tekhnogennaya transformatsiya ekosistem Severa v rayonakh neftedobychi [Man-caused transformation of ecosystems of the North in the oil production areas]. *Razvedka i okhrana nedr [Prospect and protection of mineral resources]*, 7, 30–32. (In Russ.)
9. Moskovchenko, D. V. & Babushkin, A. G. (2014). Neftyanoye zagryaznenie poverkhnostnykh vod na territorii KMAO-Yugry [Oil Pollution of Surface Waters on the Territory of KMAO-Yugra]. *Ekologiya i promyshlennost Rossii. EkiP [Ecology and Industry of Russia]*, 4, 34–38. (In Russ.)
10. Yudakhin, F. N., Gubaydullin, M. G. & Korobov, V. B. (2004). Ekologicheskie problemy pri osvoenii mineralno-syryevykh resursov Arkhangel'skoy oblasti [Environmental problems at the development of mineral raw material resources for the Arkhangel'sk region]. *Geoekologiya [Geoecology]*, 3, 195–206. (In Russ.)
11. Ignatyeva, M. N., Litvinova, A. A. & Kosolapov, O. V. (2011). K metodicheskoy obespecheniyu prognozirovaniya ekologicheskikh posledstviy vozdeystviya dobychi nefi i gaza v severnykh regionakh [To methodical provision of forecasting of ecological consequences of the impact of oil extraction in northern regions]. *Izvestiya vuzov. Gornyy zhurnal [News of the Higher Institutions. Mining Journal]*, 7, 70–76. (In Russ.)
12. Telegin, L. G., Kim, B. I. & Zonenko, V. I. (1988). Okhrana okruzhayushchey sredy pri sooruzhenii i ekspluatatsii gazo-nefteprovodov [Environmental protection at the construction and operation of gas and oil pipelines]. Moscow: Nedra Publ., 188. (In Russ.)
13. Kharamzin, T. G. & Khayrullina, N. G. (2002). *Traditsionnyy uklad i obraz zhizni obskikh ugrov. Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy [Traditional lifestyles and way of life of the Ob ugric peoples. On papers of sociological research]*. Moscow: Ikar Publ., 2002. (In Russ.)
14. Pakhomov, A. A. & Mostakhova, T. S. (2014). Arkticheskie territorii: problemy razvitiya i osvoeniya. Na primere Respubliki Sakha (Yakutiya) [Arctic territories: problems of development and exploitation (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Ekonomika vostoka Rossii [Economics of Russian East]*, 2, 33–42. (In Russ.)
15. Alekseev, V. V. & Raevsky, S. V. (2016). *Razvitie ekonomiki severnogo regiona s uchetom interesov korennykh malochislennykh narodov [Development of northern region's economy taking into account the interests of indigenous ethnic groups]*. Moscow: Ekonomicheskoye obrazovanie Publ., 166. (In Russ.)
16. Kryukov, V. A. & Tokarev, A. N. (2007). *Neftgazovyye resursy v transformiruemoy ekonomike: o sootnoshenii realizovannoy i potentsialnoy obshchestvennoy tsennosti nedr (teoriya, praktika, analiz i otsenki) [Oil and gas resources in the transformed economy: on the ratio of the realized and potential social value of a subsoil (theory, practice, analysis and evaluations)]*. Novosibirsk: Nauka-Tsentr Publ., 588. (In Russ.)
17. Novikova, N. I. (2012). Vzaimodeystvie korennykh malochislennykh narodov i promyshlennykh kompaniy. Gl. 2 [Interaction of indigenous ethnic groups and industrial companies. Ch. 2]. *Sever i severnyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii [The north and northerners. Modern position of indigenous ethnic groups of the North, Siberia and the Far East of Russia]*. In: N. I. Novikova, D. A. Funk (Eds). Moscow: IEA RAN Publ., 288. (In Russ.)
18. Vasilkova, T. N., Evay, A. V., Martynova, E. P. & Novikova, N. I. (2011). *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennoe razvitie Arktiki. Etnologicheskyy monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [Indigenous ethnic groups and industrial development of the Arctic. Ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]*. Moscow; Sgadrinsk: Sadhrinskiy Dom Pechati Publ., 268. (In Russ.)
19. Khaknazarov, S. Kh. (2006). *Prirodnyye resursy i obskie ugry [Natural resources and Ob ugric peoples]*. Ekaterinburg: Basko Publ., 152. (In Russ.)
20. Forbes, B. C. (2013). *Cultural resilience of social-ecological systems in the Nenets and Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia: a focus on reindeer nomads of the tundra*. *Ecology and Society* 18(4), 36. [Electronic resource]. URL: https://www.ecologyandsociety.org/vol18/iss4/art36/#author_address (date of access: 19.02.2018).
21. Haller, T., Bloenclinger, A., Marthaler, E., John, M. & Ziegler, S. (2007). *Fossil fuels, oil companies, and indigenous peoples: strategies of multinational oil companies, states, and ethnic minorities. Impact on environment, livelihood and cultural change*. Hamburg, GermanyLIT: Verlag Münster, 610.
22. Mikkelsen, A. & Langhelle, O. (2008). *Arctic Oil and Gas: Sustainability at Risk?* Taylor & Francis, 394.
23. Oberg, K. (1960). *Practical Anthropology*. New Mexico, 400.
24. Sterligova, E. A. (2012). *Ekologicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie [Ecological psychology: Textbook]*. Perm: PGNUI Publ., 212. (In Russ.)
25. Pakhomov, V. P., Ignatyeva, M. N., Belyaev, V. N. et al. (2000). *Metodicheskie materialy po vzaimootnosheniyam korennykh malochislennykh narodov Severa s khozyaystvuyushchimi subyektami [Methodical papers on the relationship of indigenous ethnic groups of the North with economic entities]*. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 63. (In Russ.)
26. Donskoy, F. S. (2005). Integratsionnye protsessy v zhizni severyan. Problemy i perspektivy [Integration processes in the life of the North residents: issues and prospects]. *Sotsiologicheskyye issledovaniya [Sociological Studies]*, 5, 97–100. (In Russ.)

Authors

Vladimir Grigoryevich Loginov — Doctor of Economics, Head of the Sector Head of the Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Margarita Nikolaevna Ignatyeva — Doctor of Economics, Leading Research Associate, Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Professor, Department of Economics and Managenet, Ural State Mining University (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014; 20, Kuybysheva St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: rinis@mail.ru).

Valery Vasilyevich Balashenko — PhD in Economics, Research Associate, Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: bala10@mail.ru).